
Е. М. ЮХИМЕНКО

Невежество и премудрость
в интерпретации выговских писателей-старообрядцев*

Противопоставление невежества и премудрости, мудрости «внутренней» и «внешней» отчетливо проявилось в русской литературе второй половины XVII в. Борьба, развернувшаяся вокруг церковной реформы, выявила два непримиримых лагеря, которые помимо прямо противоположных взглядов на «новины» патриарха Никона придерживались и двух различных эстетических позиций. Обе эти концепции получили подробную характеристику в книге А. М. Панченко «Русская стихотворная культура XVII века». ¹ Науке и просвещению, т. е. «внешней» мудрости, которую исповедовали сторонники реформы, старообрядцы противопоставляли «Божью премудрость», ведущую к праведной жизни; признавали писательство «по нужде», типологически близкое апостольской проповеди. Наиболее ярко, образно и неоднократно эти идеи были высказаны протопопом Аввакумом, взгляды которого, по мнению ряда исследователей, отличал своеобразный «паулинизм». ²

Писатели выговской литературной школы жили и творили в иное время: прекращение в конце XVII в. массовых жестоких гонений на староверов давало им возможность церковного и культурного строительства. Оставаясь верными заветам первых учителей старообрядчества в деле сохранения старой веры, в области культуры выговцы руководствовались современными им представлениями и поэтому в качестве образца ориентировались на литературу и искусство второй половины XVII в., вслед за барочными писателями восхваляя «внешние» риторику и философию. Подобное явление исчерпывающе охарактеризовано и объяснено в работе Н. В. Поньрко «Эстетические позиции писателей выговской литературной школы». ³ Исследователь отмечает, что, признавая необходимым в сфере «словесного искусства» следовать правилам риторики и философии, выговцы тем не менее сохранили противопоставление «внешней» мудрости и божественного познания истины в одной категории текстов — в своих богословско-полюемических сочинениях. ⁴ К этому безусловно верному наблюдению можно добавить также ряд открытых деклараций вы-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 01-04-00061)

¹ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 167—209

² Клибанов А. И. Протопоп Аввакум и апостол Павел // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.). М., 1994. С. 12—41

³ Поньрко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 104—112

⁴ Там же. С. 107

говских писателей, сделанных ими преимущественно в похвальных словах русским святым.

Как нами уже было установлено, в выговской литературной школе тематика слов на церковные праздники определялась кругом двенадцатых праздников и памятей святых, в честь которых были освящены часовни суземка или их приделы.⁵ Этим принципом объясняется тот факт, что похвальных слов русским святым не так много: отдельные сочинения посвящены только Зосиме и Савватию Соловецким, Александру Свирскому и Александру Ошевенскому.

Тема невежества, необученности «внешним» наукам получила подробную разработку в словах, прославляющих преподобных Зосиму и Савватия. Эти святые — «начальники» Соловецкого монастыря, от которого вела свою историю поморская старообрядческая киновия, пользовались у выговцев особым почитанием,⁶ литературным выражением которого явились восемь посвященных им похвальных слов. Среди авторов интересующих нас сочинений были знаменитые риторы — Андрей Денисов (он написал четыре слова), Семен Денисов (два) и Трифон Петров (одно слово); большинство произведений, если не все, были написаны в 10—30-е гг XVIII в.⁷

Анонимный автор писал о преподобном Зосиме, обращая внимание читателей на низкое происхождение святого: «Сей есть любитель преблагаго Бога, возлюбивый его всѣмъ сердцемъ и всею душою и дивно есть воистинну, яко поселянинъ сый, грубъ и невѣжда мним, толикою любовию к Богу возгорѣся. Село бо нѣкое мало и худо, Толвуя именуемо, имяше отечество. И кую в немъ хитрость позна, кую философию избрѣть?»⁸ «Вѣмы бо, — продолжает далее свое рассуждение автор слова, — яко мнози святии от познания божественныхъ и челоувѣческихъ вещей снискаша огонь негасимый божественныя любве, Зосима же, в Толвуи живый, едва возможе и священное Евангелие до конца прочести, едва обрѣте время и Новаго Завѣта все писание испытати, наукъ же свободныхъ и книгъ христіанскихъ философвъ ниже во снѣ видѣ, языческихъ же философвъ не точию писаний, но и именъ не вѣдѣше».⁹

Старообрядческие писатели прямо высказывают мысль о том, что невежество не препятствует любви к Богу и достижению вечной жизни. Тот же анонимный автор восхвалял Зосиму: «Обаче толикий невѣжа толикою любовию к Богу уязвися, елико не точию мира и самого себе презрѣ, но и яко ангель поживе в плоти».¹⁰ Андрей Денисов, обращаясь к Богу, говорил о соловецких подвижниках: «Человѣцы худороднии и безславнии, немудрии и нехитрословеснии, твоєю благодатию просвѣщеннии и утверженнии, вѣчную обрѣтоша жизнь и славу присноцвѣтушую».¹¹ В послании в Волозерский скит на праздник Александра Свирского (30 августа 1720 г.) старший Денисов подчеркивал невежество преподобного: «Таковый смиренный, таковый нищий, безхрамный, бездомный, простой и

⁵ Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1. С. 114—171.

⁶ Подробнее см. Юхименко Е. М. 1) Почитание Зосимы и Савватия Соловецких в Выговской старообрядческой пустыни // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 351—354. 2) Старообрядческая реплика соловецкой культуры // Сохраненные святини Соловецкого монастыря. Сб. статей. М., 2003 (в печати).

⁷ См. Юхименко Е. М. Выговские похвальные слова Зосиме и Савватию Соловецким // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2004. Сб. 2. С. 381—382.

⁸ ГИМ, собр. Хлудова, № 274, л. 420 об.—421.

⁹ Там же, л. 421.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, л. 470.

невѣжда (о чудеси!) толь храбро, толь мужественно ополчиси на диявола».¹²

Убедительным доказательством того, как сильно волновала выговцев тема невежества и премудрости, являются две редакции слова Андрея Денисова на день перенесения мощей Зосимы и Савватия.¹³

В авторской редакции этого сочинения («Слово на память преподобных отец наших Зосимы и Саватия соловецких чудотворцев») содержится пространный фрагмент о том, что соловецкие чудотворцы были чужды всяким наукам, а основой их богопознания явились три божественные книги: Псалтырь, Апостол и Евангелие: «Что же речем о мудрости ею? Аще бы кий из нею по обычаю любомудрых вопрошень былъ, что есть писмя или что есть человекъ, кий отвѣтъ сотворилъ бы? Не первое ли ихъ учение Псалтырь, второе же Апостоль и третье Евангелие? Не вся ли высокая лѣствица наукъ в сихъ трехъ священныхъ книгахъ и мяшесе, и содержашесе у нихъ? И воистинну сия есть высокая пренебеснаго учения лѣствица, ибо отсюду родися има всекрасная философия о безсмертной жизни, о славъ святыхъ, о Царствии Небеснѣмъ, о пици нетлѣннѣй, о благихъ, ихже око не видѣ и ухо не слыша и сердце человекское разумѣти и умъ земнородныхъ помыслити не можетъ, яже уготова Богъ любящимъ его».¹⁴

Автор переработки слова Андрея Денисова в составе II редакции Поморского Торжественника (им мог быть Иван Филиппов, под руководством которого составлялся данный сборник) еще более акцентирует факт невежества Зосимы и Савватия, подчеркивая, что они были чужды не только «внешним наукам», но и святоотеческому писанию. «Кий от обою вѣдѣаше, яко суть науки свободныя? — вопрошает старообрядческий автор. — Кий слыша имя Платона или Аристотеля? Кий видѣ книги Омировы? Кий изучися краснословию Димосфенову? Откуда же родися има любомудрие о безсмертной жизни, о славъ святыхъ, о Царствии Небеснѣмъ, о пици нетлѣннѣй, о благихъ, яже уготова Богъ любящимъ его. Еда прочтоша вся Священное Писание, еда имѣша у себе книги великихъ учителей церковныхъ Василиа Великаго и Григориа Богослова и Иоанна Златоустаго и Иоанна Дамаскина и прочихъ преславныхъ богословцев, ихже сладчайшая словеса в то время и в соборныхъ церквахъ царства Россискаго едва можаху обрѣстися».¹⁵

Свое высказывание о благочестивом невежестве соловецких чудотворцев Андрей Денисов заключает рассуждением о превосходстве «внутренней» мудрости над «внешней», при этом выговский писатель прибегает к известному, восходящему к словам Первого послания апостола Павла к коринфянам (1 Кор. 1:27) тезису о «буих мира», посрамляющих «премудрость века сего» (эту цитату широко использовали первые старообрядческие учителя, в особенности протопоп Аввакум¹⁶). Киновиярх Выговской обители, он же создатель ее литературной школы, пишет о Зосиме и Савватии: «Не видимъ ли како буетъ Божие мудрѣе человекъ есть? Не видимъ ли, како не вѣдущии алфы опредѣлити превзыдоша выотою пре-

¹² РГБ, собр Барсова, № 330, л 23 об

¹³ Общую характеристику редакций см Юхименко Е М Выговская старообрядческая пустынь Т 1 С 152—153 См также Юхименко Е М Новонайденныя сочинения выговскихъ писателей // Там же Т 2 № 167

¹⁴ ГИМ, собр Хлудова, № 274, л 470 об —471

¹⁵ РГБ, собр Барсова, № 339, л 209—209 об

¹⁶ См Панченко А М Русская стихотворная культура XVII века С 191—192, Клибанов А И Протопоп Аввакум и апостол Павел С 20—23, Поньрко Н В Эстетические позиции писателей выговской литературной школы С 109—110

мудрости и Сократа премудраго, и Платона хитрословеснаго, и Аристотеля, отца философвъ, и Омира, творцевъ начальника?».¹⁷ И далее Андрей Денисов подробно изъясняет, как соловецкие подвижники достигли высшей премудрости: «Кое училище преславныхъ нашихъ философвъ Зосимы и Саватия? — Весь четвероконечный миръ, в немже, аки в зеркаль, ясно видится все виновная премудрость, всемогущая сила и неизреченная доброта присносушнаго и невидимаго Бога. Кто тѣмъ учитель? — Источникъ премудрости и разума Духъ Святой, иже и слѣпцы умудряетъ и безсловеснымъ слово даетъ. Кое сихъ чудное любомудрие? — Еже долняя презирати и горнихъ желати, еже земная оставляти и небесная искати, еже временная пометати и вѣчная гонити? Кий сладчайший плодъ вышняго премудрости? — Слово Божие, еже пророцы и апостоли проповѣдаша, сии на скрижалехъ сердець своихъ написаша. Учение богословское, еже учителяе пролияша, аки воду, тии тщательно собираша в души своя, якоже собирають пчелы сладость медвенную».¹⁸

Сходные рассуждения, восходящие к авторскому тексту Андрея Денисова, включил в свою переработку составитель II редакции Поморского Торжественника, однако мысль о «буих мира» была им опущена: «Не видим ли на сихъ невѣждахъ небесныя премудрости? Кто тѣмъ учитель, аще не Духъ Святой? Кто наставникъ к животу вѣчному, аще не самъ Богъ, иже и слѣпцы умудряетъ и безсловеснымъ слово даетъ. Не превзыдоша ли сии невѣжды премудростию и разумомъ и Сократа, и Платона, и Аристотеля и всего лика философскаго? Не сравнишася ли и пророкомъ и апостоломъ и учителемъ и богословцемъ?».¹⁹

Выговские писатели ценили витийство, риторику, философию,²⁰ однако, как показывают похвальные слова святым, они признавали безусловное превосходство красоты божественного творения над красотой, создаваемой человеком.

«Слово на память преподобныхъ отецъ нашихъ Зосимы и Саватия соловецкихъ чудотворцевъ» Андрей Денисов начинает с традиционного самоуничижительного сетования на неискренность своей речи («не имамъ во устѣхъ моихъ златоструйныя рѣки медвенныхъ словесъ») и далее замечает, что этот недостаток не существен, поскольку высок и совершенен описываемый предмет: «...добродѣтельная и чудная дѣла преблаженныхъ нашихъ отецъ, аще и краткимъ и нехитроуѣчивымъ словомъ предложатся, могутъ и сладости, вкупѣ и радости и пользы духовныя исполнити слушающихъ. Якоже бо прекрасное золото не требуетъ внѣшния красоты, не требуетъ посторонния утвари, зане само от себе дивную имѣетъ красоту и естественная того утварь побѣждаетъ художествомъ сотворенную, тако преподобныхъ отецъ нашихъ богоданныя таланты не украшаются утварями и цвѣты риторскими, аще бы и ангельский языкъ похвалити тыя риторственно и велерѣчиво имѣлъ, зане не суть добра, но самая чудная доброта; не суть цвѣтна, но самый цвѣтъ живой; не суть красна, но самая красота неуываемая».²¹

В Слове на Успение Богородицы, появившемся в составе Поморского Торжественника II редакции,²² анонимный автор разрабатывает другую антитезу. словесная, искусная похвала святому — подражание его добро-

¹⁷ ГИМ, собр Хлудова, № 274, л 471

¹⁸ Там же, л 471—471 об

¹⁹ РГБ, собр Барсова, № 339, л 209 об

²⁰ Понырко Н В Эстетические позиции писателей выговской литературной школы

С 106

²¹ ГИМ, собр Хлудова, № 274, л 469 об

²² См Юхименко Е М Новонайденные сочинения № 538

детелям. Свое сочинение выговский ритор характеризует следующим образом: «Сие преблагословенный Богомати суть риторская высоковождения, витийская словоплетения, философская остроумия, богословская громогласная проповедания и самая аггелская непрестанная и все-радостная красноплетения». ²³ Однако Богоматери должно, по мнению автора, принести иные дары: «честное и богоугодное житие», целомудрие, смирение, любовь. «Таковыми почестми, — пишет старообрядческий автор, — почитается Царица небесная паче всякаго златословия и сладкоплетения, сия приятна и возжеленна суть Богородица паче мусикийских гласовъ и риторскихъ благовождений». ²⁴

Приверженцы риторики и «словесного художества» в литературном творчестве, в сфере догматических и историко-культурных представлений выговцы оставались верны древнерусской православной традиции. Они противопоставляли свое творчество светской литературе и античным образцам. Слова на дни тезоименитства наставников, посвященные им слова надгробные и воспоминательные, похвальные слова святым и слова на церковные праздники писались выговцами не для восхваления «внешней» мудрости (хотя писательское мастерство и ставилось в заслугу киновиархам), но в назидательных целях — для прославления христианских добродетелей.

Поэтому, несмотря на всю разницу стиля, в «Книге бесед» протопопа Аввакума мы найдем те же мысли, что и у писателей Выга. «Альманашники и звездочетцы и вси зодейшики, — писал Аввакум в Пятой беседе («О внешней мудрости»), — познали Бога внешнею хитростию, и не яко Бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, уподоблятися Богу своєю мудростию начинающей, якоже первый бладивый Неврод, и по нем Зевес прелагатай, блудодей, и Ермис пияница, и Артемида любодейца, о них же Гронограф и вси хроники свидетельствуют; таже по них бывше Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин: вси сии мудри быша и во ад угодиша <...> Сего ради отверже их Бог: благоизволил буйством апостольским спасти хотящих наследовати спасение. Вси христиане от апостол и отец святых научени быша смирению и кротости, и любви нелицемерной; с верою непорочною, и постом, и со смиренною мудростию, живущи в трезвости, достизают не мудрости внешней, <...> но на самое небо восходят смирением ко престолу царя славы». ²⁵

Обращает на себя внимание тот факт, что противопоставление мудрости «внутренней» и «внешней» встречается преимущественно в словах, посвященных русским святым; в похвальных словах апостолам и учителям церкви (в частности, Иоанну Богослову, Иоанну Златоусту, трем святителям), сочинения которых относились к сфере риторики «божественной» и «кироической», но не «человеческой», указанная тема не разрабатывалась. Напротив, Трифон Петров в слове похвальном Иоанну Богослову особо подчеркивает божественное происхождение «громогласного богословия тайнаго богопроповедника», «премудрейшего высоковождения высокаго учителя», «прекраснейшего витийства пречюднейшаго вития». ²⁶

Подчеркнутая декларация невежества древнерусских святых имеет скрытый, но весьма очевидный полемический подтекст. Реформа патриарха Никона основывалась на представлении о вкравшихся в русскую

²³ РГБ, собр Барсова, № 339, л 238 об

²⁴ Там же, л 239

²⁵ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения Иркутск, 1979 С 91—92

²⁶ РГБ, Рогожское собр., № 609, л 255—255 об., 257 об

церковь ошибках и отклонениях от текста древних греческих и русских книг, тем самым под сомнение ставились нерушимость древнерусского православия и, следовательно, строгость соблюдения церковных установлений древнерусскими святыми.

В Житии протопоп Аввакум описывает свой спор с вселенскими патриархами и русскими архиереями на соборном заседании 17 июня 1667 г. В доказательство истинности троеперстия сторонники реформы приводили соответствующую практику других христианских церквей, на что Аввакум возражал и говорил о неизменности церковных преданий в русской церкви: «До Никона отступника в нашей Росии у благочестивых князей и царей все было православие чисто и непорочно и церковь немятежна», двуперстно крестились и «первые наши пастыри», и святые русские, в том числе Гурий и Варсонофий Казанские и Филипп, соловецкий игумен, бывшие на Стоглавом соборе 1551 г. «И патриархи задумались, — пишет Аввакум, — а наши, что волчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцев своих, говоря: „глупы-де были и не смыслили наши русския святые, не учоны-де люди были, — чему им верить? Они-де грамоте не умели!“». ²⁷ Эти же слова своих оппонентов («глупы наши святые были и грамоте не умели») протопоп Аввакум с возмущением повторил и в «Книге толкований», и в «Книге бесед». ²⁸

Выговские старообрядцы вполне разделяли эту точку зрения. Поэтому Андрей Денисов писал о Савватии Соловецком в посвященном ему похвальном слове. ²⁹ «Не в академийх премудрости учися, не с философами, не с ритори совоспитася, сего ради от Никона и послѣдующихъ ему чины его презираемы, уставосодержания его небрегома суть. Но познавай сего великаго отца, земнаго ангела, гражданина небеснаго, древняго святыхъ, православия звѣзду пресвѣтлую, Духомъ Святымъ просвѣщеннаго, в небесныхъ обителяхъ со святыми ликоствующаго». ³⁰

В условиях раскола русской церкви тема невежества приобрела полемический подтекст. по этому признаку противопоставлялась старая и новая культурная традиция, исправление старых обрядов, по убеждению старообрядцев, велось «премудрым рассмотрением» патриарха Никона и его последователей, человеческой, а не божественной мудростью. В «Слове о новых мудрецах» Андрей Денисов писал: «Кто ли православно в Писании воспитанный попустит ему (т. е. Никону. — Е Ю.) и прочим ясныя церковныя догматы, всеогласно у святыхъ бывшия и до нас последованием дошедшия, стязовати и о них мечтати и премеянати». ³¹ Семен Денисов, вынужденный вступить в полемику с митрополитом Иовом, просил новгородского владыку написать в подтверждение своих взглядов «не силлогисмъ нѣкихъ, ниже своерасудительныхъ доводовъ утверждения, ихже святии отци бѣгати повелѣвають <...> но самая ясная от Божественныхъ писаний свидѣтельства». ³²

²⁷ Житие протопопо Аввакума С 59

²⁸ Там же С 93, 107

²⁹ Юхименко Е М Новонайденные сочинения № 166

³⁰ РГБ, собр Егорова, № 1954, л 111—111 об

³¹ Андрей Денисов Слово о новых мудрецах / Публикация и перевод Е М Юхименко // Россия и Запад горизонты взаимопознания Литературные источники первой четверти XVIII века М., 2000 Вып 1 С 418

³² ГИМ, собр Хлудова № 100Д, л 255 об Эти же соображения Семен Денисов повторил и в последнем своем послании митрополиту Иову, упоминая «Росыск о раскольничьей брынской вере» Димитрия Ростовского «И яже в ней своерасудительныя чловѣкъ доводы и силлогисмы сия мимотечением прехожду Сим бо ввѣряти (что и прежде доносих архиюпастырству твоему) спасение души своея не смѣю, церковнымъ святымъ учителемъ повинуюся, от силлогисмовъ бѣгати научающымъ» (Там же, л 258 об)

Реформа Никона не вызывала у старообрядцев доверия, потому что была проведена человеческим разумением. В своих сочинениях выговские авторы часто подчеркивают, что на языке «внешней» мудрости невозможно полностью выразить сущность божественных истин. Алексей Иродионов в «Слове в Новую неделю»,³³ подробно разъясняя своим слушателям богословское содержание второй после Пасхи недели (называемой иначе Фоминой или Антипасхи), все же замечает о предмете своего сочинения: «Но како сие речемъ, зане слово есть великое и требуетъ языка аггелскаго, ниже бо риторская уста доволна суть сказати толикую тайну, ниже философское слово можетъ изрещи толь пречюдное дѣло Божие, зане непостижимо есть и неизреченно. Реку обаче, елико могу, не своими же словесы, но евангелскими исповѣмъ самую истинну, не моими же глаголы, но яже суть Святаго Духа».³⁴ Человек, даже просвещенный науками, по мнению выговских писателей, не может достойно проповедовать и прославить дела Божии. Иван Филиппов в Слове на Богородичный праздник³⁵ восклицает: «Всякий языкъ благодарить Господа, но подобнаго благодарения приносити не можетъ. Поютъ пѣснословцы, витийствуютъ златословцы, чюдятся философи, хвалятъ стихотворцы и богослови, яко с небесь гремяще, высокословятъ. И еще радость пребываетъ неизреченна, еще веселие неизглаголанно, еще таинство непостижимо, зане толико преславнаго дѣла Божия нектоже можетъ исповѣдати достойно».³⁶ Ту же мысль о бессилии человека воздать должную похвалу святому высказал и Мануил Петров в «Слове на память святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла»; выговский писатель говорит об апостоле Павле: «Но кто по достоянию восхвалитъ его? Все убо по силѣ нудятся хвалити его: и ритори, и философи, и богословцы, и грубии, и невежды, и бесписменницы. По достоинству же едва и аггели могутъ восхвалити его, егоже бо самъ Богъ восхвали, глаголя: „Сосудъ избранъ ми есть сей“. Кто таковаго похвалитъ по лѣпотѣ? Неможно воистинну всякое слово, безсилень всякий умъ, груба всякая мысль, воеже таковаго и толикаго мужа воспѣти и ублажити достойно».³⁷

Вопросы веры и национальной церковной традиции оставались той сферой, в которой выговцы неизменно придерживались взглядов первых старообрядцев. Даже в заявлениях выговских писателей о своем невежестве можно видеть не только самоуничжительную позицию средневекового книжника, но и сознательное декларирование своей приверженности к древнему православию. В посланиях «внешним» персонам выговские авторы зачастую стараются подчеркнуть премудрость своих адресатов и собственное «невежество». Так, в послании Феофану Прокоповичу от 14 января 1734 г., которое начинается с неумных панегириков мудрости вице-президента Синода («всепремудрѣйший архипастырь», блистающий «добротами» «прекрасныхъ выпреноснаго наукотворения художествъ» и т. п.), Семен Денисов просит прощения, что «толь премалии и ничтожнии», «толико грубии, сухоустнии и невѣжди» вынуждены прибегнуть к «тако преизобилному в премудрости и всебогату в разумѣ архипастырю».³⁸

³³ См.: Юхименко Е. М. Новонайденные сочинения... № 265.

³⁴ РГБ, собр. Барсова, № 339, л. 128 об.—129.

³⁵ См.: Юхименко Е. М. Новонайденные сочинения... № 455а.

³⁶ РГБ, собр. Барсова, № 339, л. 82 об.—83.

³⁷ Там же, № 367, л. 65 об.—66.

³⁸ Семен Денисов. Послание выговцев Феофану Прокоповичу // Россия и Запад. горизонты взаимопознания. Литературные источники первой четверти XVIII века. М., 2000. Вып. 1. С. 424—425.

Новое понимание задач сохранения старой веры и необходимость культурного строительства заставили выговских старообрядцев отделить культуру от веры. Отвечая потребностям времени, свой писательский труд они расценивали как «словесное художество», построенное по законам литературной культуры барокко. И потому знание «внешней» мудрости становилось необходимым условием творческих успехов. Так свободные науки были поставлены на службу старой вере.

В подобной позиции выговцы не находили противоречия. Напротив, разграничив сферы применения «внутренней» и «внешней» мудрости, они достигли вполне органичного их сочетания.

Подробное толкование этого сложного вопроса находим в послании выговского киновиарха Андрея Борисова в Лексинскую обитель, написанном в начале 80-х гг. XVIII в. и содержащем похвалу премудрости и учению.³⁹ Понимая премудрость по Книге премудрости Соломона, автор послания разъясняет своим адресатам: «Егда же имамы дружитися с честною Премудростию, то она насъ научить, как совершенно боятися Бога: начало бо ея есть страх Божий. Потом научит познанию всех сотворенных Богом вѣщей, для того чтобы мы, познавши совершенно Божие творение, познали от онаго совершенно и самого Творца».⁴⁰ «Внешнее» учение является всего лишь инструментом для познания божественной мудрости: «Что же касается до чтения книгъ, то духовнопремудростное и внешнее учение безпрекословно есть оному вседобрый ключъ, ибо сим всякое писание отпереть возможно, а без него како возможно, кому дерзостно войти внутрь храма Священнаго Писания»⁴¹

Выговское решение вопроса о сочетании премудрости высшей и человеческой представлялось старообрядческому миру вполне приемлемым, во всяком случае нет никаких свидетельств о том, чтобы процветание в поморской обители свободных наук заставило кого-либо усомниться в верности Выга древлецерковному благочестию. Заслуги выговцев в деле сохранения и распространения старой веры общепризнанны.

Сборнику богословско-полевических сочинений под названием «Неоцененный бриллиант», составленному в 60-х гг. XVIII в. при участии будущего киновиарха Андрея Борисова, было предпослано «Предисловие общественное». Его автор считает себя учеником выговских «премудрых древняго благочестия учителей». Он пишет: «Были и есть и инные ученые, в семь учениемъ просиявшемъ святомъ мѣстѣ многие изрядные люди, и неложно во искусности наукъ, яко грамматикии, риторики, поэтики, логики, диалектики, пѣния, арифметики, геометрии, медикии, философии и отчасти богословии непостыдными по нашему убожеству и тѣснотѣ жития нарещися могутъ. Егда бо азъ многия разных оныхъ ученыхъ мужей увидѣль и получилъ разные ученые и духовныя сложения, тогда при удивлении гласно нарекъ сие мѣсто старовѣрческия Афины. Ибо непогрѣшно, елико преславны суть противу прочихъ странъ за учение славные в поднебеснѣй Афины, толико не меньше противу всѣхъ старовѣрческихъ мѣстъ преславно есть за разные ручные и разумные художества сие славное в России старовѣрческое мѣсто. А особливо за неперменное имение древлецерковнаго благочестия...».⁴² Из приведенной цитаты совершенно очевидно, что процветание наук на Выгу вовсе не умаляет авторитета поморской обители в старообрядческом мире, автор

³⁹ См. Юхименко Е. М. Новонайденные сочинения № 61

⁴⁰ РГБ, собр. Барсова, № 187, л. 63

⁴¹ Там же

⁴² ГИМ, собр. Хлудова, № 272, л. 3—3 об.

предисловия прямо называет Выг «сияющим благочестием святым местом».

Более того, из дальнейшего текста предисловия явствует, что в выговской жизни божественная мудрость и благочестие вполне сочетаются с человеческой мудростью. «Что же, благочестивый читателю, не возможши ты отискати в семь пространнѣйшем премудростию, святостию и благочестиемъ честнѣйшемъ вертоградѣ, въ богооснованнѣм и имъ соблюдаемѣмъ сем благочестивѣмъ мѣстѣ. Аще восхощши вѣдѣти или и видѣти въ дѣятелнѣй святѣй философии искусныхъ мужей, то премоного обрящши. <...> Или восхощши поискати вышеестественнаго предрагаго дѣвства красоту, увидиши и сию во многихъ свѣтлѣющуся и непогрѣшно оную до конца исправно соблюдавшихъ. <...> Еда хощши буйствомъ прикрытую мудрость увѣдѣти, вѣждь, яко и сихъ доволно суть быша в семь пребогатомъ добродѣтели мѣстѣ, да и толико инные из сихъ провозсяша, яко и тайны чловѣческия вѣдаша и многия многим оные предрицаша».⁴³

Привлеченный к исследованию новый материал позволил дополнить данную ранее характеристику идейных и эстетических позиций писателей выговской школы. В похвальных словах русским святым мы находим общеправославное разделение мудрости на «внутреннюю» и «внешнюю» и те же представления о невежестве и премудрости, которые высказывали еще первые старообрядческие учителя. Древнерусские подвижники прославляются как носители благочестивого невежества, своим богоугодным житием явившие божественную истину. В выговских сочинениях обнаруживается и скрытый полемический подтекст. Подчеркивая невежество русских святых дониконовских времен, старообрядцы, которых оппоненты — сторонники «новин» и приверженцы западнорусской образованности — часто также обвиняли в невежестве, указывали, что именно они являются наследниками древнерусской традиции. Не допуская человеческого мудрования и риторических силлогизмов в сферу вероисповедания, выговцы не остались в стороне от культурных веяний своей эпохи. Построив свою литературную школу на принципах барочной поэтики, они обратили достижения «внешней» мудрости на пользу старой вере. В этом непреходящая заслуга Выга перед всем старообрядчеством. Подобная открытость новым явлениям, не затрагивающим основ веры, способность творчески освоить их и использовать себе во благо свидетельствуют о большой внутренней силе и жизнеспособности старообрядческого движения.

⁴³ Там же, л 4—4 об